

женных рабочих будней, какими являются для автора и длинные перегоны на байдарке по рекам и на собаках по тундре, и ежедневные полеты для замеров на северных площадках, и постройка самодельного плота на «необитаемом острове». Легковесное же отношение к работе, восприятие дела неконкретно, «вообще» он попытался высмеять в юмористической повести о чудаках-прожектерах, оторванных от реальности («Чудаки живут на востоке»). Повесть эта, правда, не вполне удалась, но и в ней автор верен своей основной мысли.

Как бы ни было важно найти ценную руду, дороже всего, по мысли Олега Куваева, уважение к трудовому человеку, к его способностям и достоинству.

М. Рубинчик.

★

ТОЛСТОЙ-РЕДАКТОР. Публикация редакторских работ Л. Н. Толстого. «Книга». М. 1965. 328 стр.

В своей знаменитой статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Л. Толстой высказал мудрые мысли о способах изучения и освоения сокровищ родного языка, о выразительности мужицкой речи, о народной основе поэтического слова. Сам Л. Толстой шел за словами в народ, входил непосредственно в быт мужиков и усваивал богатейшую лексику, образный склад речи. В редакционной деятельности Л. Н. Толстого, так же как и в его собственных творениях, удивительно сказалось это чувство красоты родного языка.

Вот перед нами сборник. В нем тринадцать (из более чем ста) художественных произведений, отредактированных Л. Толстым. Это рассказы, сказки, басни, легенды, драма, переложения из Диккенса, Гюго. Здесь всюду и во всем глубокая народная основа — в мирозерцании, сюжетах, стилистике. Блещет, переливается красками живая, сильная речь с шутками, прибаутками, неслыханными досель афоризмами. И так как в самом материале содержалось как раз то важное, что, по мысли Л. Толстого, было необходимо для народа, и во всем чувствовалась большая искренность, он и решил поэтому привести произведения до той прекрасной техники, без которой нет совершенного искусства. «Надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно», — требовал он от произведений, предназначенных для «огромного большинства человечества — трудового, кормящего всех нас народа».

Первым идет рассказ о грустной доле крестьянки, записанный Т. А. Кузминской и частично самим Л. Толстым в Ясной Поляне со слов Анисьи Тюриной из села Кочаки. Редактор бережно сохранил образность, пластичность рассказа Анисьи, легкую, свободную речь, в том же стиле вносил от себя, шлифовал фразы. «Бабыя доля» — озаглавил Толстой этот рассказ, превратив его в подлинно художественный, с широким обобщением.

Редактор улучшил даже такого словолюба, как Н. С. Лесков. После правки его рассказа «Под праздник обидели» сильнее стал диалог, больше деталей, подчеркивающих достоверность, заметнее психологическая окрашенность.

Ювелирно обработана басня «Блоха и муха». Она начиналась: «Жили-были, забыл в каком царстве, блоха и муха. И повстречались они». А когда прикоснулся к тексту Л. Толстой, получилось вот что: «Повстречались раз блоха с мухой. Блоха идет из деревни, а муха из города. Поглядела блоха на муху и не признала сразу. Живот подтянут, ноги длинные стали и вся сухая. Подивилась и муха на блоху: сплюснута вся, как засушинка, и горбатая стала».

Особенно примечательна правка новеллы В. Гюго «Бедные люди» в прозаическом переводе В. Микулич. Л. Толстой освободил перевод от сентиментальности, риторики. Он как бы вошел в хижину бедных, но очень добрых людей, сделал все реальнее.

К. А. Федин заметил: «Когда я следил за карандашом Толстого, у меня билось сердце. С необыкновенной наглядностью обнажился в этой редакторской правке весь Толстой-художник...»

Замечательная эта книга. Здесь студия высшей стилистики, особенно необходимой нам сейчас, когда нередко художественное слово бледнеет, утрачивает смысловое значение, эмоциональный ореол. Читатель найдет в книге толковую статью неумоимого исследователя рукописного наследства Л. Толстого — Э. Е. Зайденшур «Уроки Толстого-редактора». Она же осуществила общую редакцию книги. Квалифицированно, со знанием дела подготовили публикацию рукописей научные сотрудники Государственного музея Л. Н. Толстого — М. Н. Бойко, О. А. Голинченко, З. Н. Иванова, И. А. Покровская, Б. М. Шумова. К сборнику приложен составленный И. А. Покровской список произведений, отредактированных в разные годы Л. Н. Толстым. Все это войдет в научный обиход и существенно обогатит наши представления о великом писателе земли русской, чародее народного слова.

Ф. Бирюков.

★

А. ОБРАЗЦОВА. Драматургический метод Бернарда Шоу. «Наука». М. 1965. 314 стр.

Читатель не найдет в этой монографии традиционного хронологического рассказа о жизни и творчестве драматурга. Автор строит свое исследование вокруг нескольких существенных проблем, обозначенных уже в названиях глав: «Драматический конфликт», «Характеры», «Парадокс», «Природа жанра».

Книга носит боевой, полемический характер; особенно остро полемизирует автор с утверждениями о несконченности пьес Б. Шоу, о том, что его драмы устарели. Убедительно доказывая, что лучшие драмы

Шоу актуальны не только для времени их написания, но и для последующих времен. А. Образцова обращается за иллюстрациями для своих положений к самым различным пьесам Шоу, в том числе и к тем, что нередко забываются нашей критикой: «Андрокл и лев», «Анна-Искра — большевистская императрица», «Шестеро из Кале», «Женева» и другие.

Драматургию Шоу А. Образцова рассматривает в контексте мировой драмы. Интересны в различных главах сопоставления Шоу и Ибсен, Шоу и Гауптман, Шоу и Чехов, Шоу и Горький, Шоу и Пиранделло. Намечена и большая проблема «Шоу и театр XX века», которая в целом еще ждет своего освещения.

Книга А. Образцовой написана живо. Особенно удалась в этом отношении третья глава, в которой говорится о природе парадокса в драматургии Шоу. Множеством примеров подтверждается мысль об эффективности этого излюбленного оружия великого сатирика. Говоря о трагическом парадоксе поздних пьес Шоу, автор пишет о гротеске, справедливо полагая, что гротеск Шоу порожден стремлением к большой художественной правде. Так прокладывается «мостик» к четвертой главе — к вопросу о жанровом своеобразии пьес Шоу. А. Образцова говорит о сочетании трагического и комического у Шоу, об исторических пьесах драматурга, о жанре политической притчи.

Отдельные положения А. Образцовой остры, неожиданны и вызывают желание возразить. Но вряд ли автор этого интересного труда рассчитывал на бесспорность всех своих суждений о «парадоксальном беллетристике» Бернарде Шоу. Книга заставляет думать, с иным соглашаться, с иным спорить — и в этом ее успех.

М. Соколянский.

Одесса.

★

И. А. ТЕРТЕРЯН. Бразильский роман XX века. «Наука». М. 1965. 230 стр.

Читателю этой книги передается увлеченность исследовательницы: перед ним не только новый художественный мир, но и яркие, привлекательные, порой контрастные фигуры его творцов.

Лима Баррето. Едкий сатирик, дебютировавший смелой книгой о газетных нравах. И грустный лирик, поэт городской окраины. У этого романиста, ученика Свифта и Достоевского, были широкие планы: он хотел сочетать историю и фантазию, лирику и сатиру. Но жизнь его оборвалась рано; прошли десятилетия, прежде чем Лиму оценили по-настоящему.

Эуклидес да Кунья. Инженер, журналист, он видел своими глазами, как правительственные войска громили крестьянскую республику Канудос в выжженной степи —

сертанах. Да Кунья обвинил общество, бросившее пушки против скотоводов-вакейро. Для него повстанцы, слитые с потрескавшейся, покрытой колючками землей, — это «худые, голодные титаны». «Сертаны» да Куньи (1902) были открытием народного характера.

Традицию книги да Куньи развили писатели Северо-Востока. Именно там, в самых отсталых, аграрных штатах Бразилии, в тридцатые годы сложилась национальная школа романа. Ей посвящена вторая часть исследования И. Тертерян. И опять перед нами несхожие творческие индивидуальности.

Грасилиано Рамос. Писатель-демократ, он смело вводит в роман разговорную речь, видит образец в языке крестьянина-метиса (кабокло). Но он и тонкий психолог. И. А. Тертерян анализирует переведенный у нас роман «Иссушенные жизни»; в сознании батрака, темного, безъязыкого, как бы объединяется то, что гнетет природу и его самого: засуха — и полицейский...

Жоржи Амаду писатель иного склада. Его «Жубнаба» — современный фольклорный роман: точно, подробно описан народный быт, в самой гуще которого — герой легенды, чернокожий Уленшиггел, открытый чужому горю и радости. Это неожиданное сочетание трезвости и мечты, правды реальности и правды фольклора органично для Амаду: в нем обаяние его недавних повестей «Старые моряки», горячо принятых у нас.

Исследовательница говорит и о других романистах (жаль, что слишком бегло, когда изложение доходит до наших дней). Но нигде она не упускает из виду основных линий литературного развития, его внутренней динамики, его особенностей. И. Тертерян стремится показать, что у бразильского романа есть свое лицо.

Правда, она склонна представлять этот роман как единственный в своем роде. В развитых литературах Запада, говорится в книге, господствовал утонченный психологический анализ. А бразильских писателей интересовал скорее представитель массы, чем индивидуализированный характер, и можно удивляться, что они были так ненасытно жадны до материи, до бытовых деталей.

Все же это не так удивительно, если вспомнить, что в те же тридцатые годы самой влиятельной на Западе школой прозы был североамериканский реализм (из его мастеров Стейнбек достаточно близок бразильцам — и в «Гроздьях гнева» и в «Жемчужине»). А в послевоенном искусстве Запада был неореализм: такие фильмы, как «Дорога надежды» и «Нет мира под оливами», тоже сродни бразильскому роману. Поэтому Жоржи Амаду, популярный на всех континентах, воспринимается не как экзотика, а в контексте всего мирового искусства.

М. Ландор.